

РК-ХГУ-1

Труды сту-
дентов-лю-
бителей оте-
чествен. словес.

273975

12

IV

486

Труды

Студентов

PK-X24-1
273975

1805. 11. 24. 11. 24.

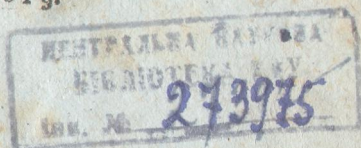
176 ⁴ / 37

UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

Handwritten signature or initials

Т Р У Д Ы
СТУДЕНТОВЪ - ЛЮБИТЕЛЕЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СЛОВЕСНОСТИ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1819.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Харьковскомъ Университетѣ Цензурный
Комитетъ, основываясь на донесеніи чи-
тавшего книгу сію Экстраординарнаго
Профессора Архангельскаго, печатавъ
оную дозволяетъ съ пѣмъ, — чтобы по на-
печатаніи, до выпуска въ Публику, пред-
ставлены были въ Цензурный Комитетъ:
одинъ экземпляръ для Цензурнаго Ко-
митета, два для Департамента Мини-
стерства Просвѣщенія, два для ИМ-
ПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и
одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Апрѣля 18 дня, 1819 года.

Профессоръ и Деканъ Иванъ Книгинъ.

39372

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Воинъ первые плоды чепырехъ-мѣсячнаго занятія Спудентовъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского Университета, соспавляющихъ дружеское Общество Любипелей отечесшвенной Словесности, существующее съ 5 Января 1819 года! Съ того времени и до первыхъ числъ Мая сего же года, оно — съ позволенія Университетскаго Начальства, съ вѣденія и одобренія Его Превосходительства Господина Попечителя — имѣло, каждую недѣлю одинъ разъ, свои засѣданія, въ домѣ казеннокоштныхъ Спудентовъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ сочленовъ: Александра Склабовскаго — положившаго первое основаніе сему сколько полезному, столь же

и приянному для Спудентовъ заведе-
 нію и особенно дѣйствовавшаго къ под-
 держанію и утвержденію онаго — и подѣ
 руководствомъ почтеннѣйшихъ Гг. Про-
 фессоровъ: Инспектора казеннокошп-
 ныхъ Спудентовъ, Декана Словеснаго
 Ошдѣленія и Кавалера Гавріила Петро-
 вича Успенскаго и Экстра-ординарнаго
 Профессора Философіи Андрея Ивано-
 вича Дудровича. Спуденцы, сославляю-
 щіе сіе Общество — кромѣ вышеупо-
 мянушаго *Александра В. Склабовскаго* —
 суть: *Иванъ Т. Гонорскій, Иванъ Я.*
Золотаревъ, Николай П. Левицкій, Ни-
колай С. Петровскій, Антонъ М. Паф-
нупьевъ, Алексѣй И. Карасевъ и Льгов-
 скаго Уѣзднаго Училища Учитель, *Ни-*
колай М. Савостьяновъ, изъявившій же-
 ланіе участвовашъ въ трудахъ онаго.
 Сочинители и Переводчики піесъ, въ сей
 Книгѣ помѣщенныхъ, издавая первыя

свои опыты, не смѣюшъ надѣяться удовлетворить просвѣщенному Чинпателю своимъ искусствомъ въ выборѣ и обработаніи матерій; но они увѣрены, что и самая любовь ихъ къ отечественной Словесности и пламенное усердіе: по возможности споспѣшествовать общей пользѣ раскрытіемъ и усовершенствованіемъ своихъ способностей — посредствомъ взаимнаго сообщенія своихъ свѣденій, мыслей и чувствованій въ дружескомъ обществѣ — заслужить его вниманіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

І. ПРОЗА.

Статьи Нравственно — назидательныя.

Стран.

О познаніи Бога изъ Природы -	-	1
Письмо Сень-Мерана къ Графу де -		
Полиньи - - - -	-	16
О Благотворительности -	-	23

Изящная Словесность:

Правила искусства писать -	-	34
О причинахъ упадка Краснорѣчія -	-	49
Писатель - Литтераторъ -	-	59
Взглядъ на первую Эклогу Виргилія -	-	72
Рѣчь Ганнибала къ своему войску -	-	81
Окрестности Рейна - - -	-	87
Униженная гордость, (Повѣсть.) -	-	106
Гусавъ, или день рожденія, (Повѣсть.)	-	121
Чешьре возраста человѣка -	-	149

Живописная проза:

Аллегорическое изображеніе четырехъ время года - - - -	163
Картинное описаніе кладбища - -	172
Шумъ вѣтра между деревьями -	179
Эхо - - - - -	182
Роза - - - - -	185
Пастірархъ полей при окончаніи пре- краснаго дня - - - -	187

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Гимнъ Весеннему Солнцу - - -	3
Гимнъ Богинѣ юности - - -	14
Пѣвецъ - - - - -	18
Къ Д. Л. III — ву - - -	24
Посланіе къ Н. М. Свѣтну - -	29
Къ И. Я. Златву, (отрывокъ) - -	37
Посланіе къ Н. М. Свѣтну - -	42
Къ Друзьямъ - - - - -	59
Отрывокъ изъ Посланія къ Н. . .	63
Къ А. В. Склбвскому - - -	66
Элегія, къ Лирѣ - - - -	68
Идилія, Приятность берега - -	70
Идилія - - - - -	73
Идилія, Дафна и Коридонъ - -	75

	Стран.
Къ Зарницѣ .	- 82
Вечерняя звѣзда	- 85
Романсъ	- 88
Воспоминаніе	- 91
Сонешъ	- 93
Умѣренность	- 94
Цвѣтокъ	- 96
Къ Ручью	- 99
Къ Розѣ	- 101
Рожденіе Розы	- 103
Къ Делію	- 105
Ночь	- 108
Утро	- 111
Старость	- 116
Счастливое знакомство	- —
Путешественникъ	- 117
Прохожій и Потокъ	- 119
Происхожденіе Риѣмъ	- 123

О Ш И Б К И.

П Р О З А.

Напечатано.

Читай.

Стран. Спрок.

2 — 23	виѣшняѣе	виѣшнее
10 — 5	насмѣхались	насмѣхалась
11 — 20	по выраженіи	по выраженію
13 — 25	успокойся	успокойсья
29 — 21	нашу	нашему
31 — 23	до того	для того
48 — 7	воображе- ніяск, олько	воображе- нія, сколько
51 — 22	знаете	знайте
77 — 2	сомною; здѣсь, въ сей зеленой бесѣдкѣ,	сомною здѣсь—въ сей зеленой бесѣдкѣ;
78 — 3	еклоги	Эклоги
— — 6	Ясенъ	Ясень
88 — 20	быстрые и мушныя	быстрыя и мушныя
116 — 25	посковъ	поисковъ
128 — 8	усилившаяся спрасъ,	усиливавшаяся, спрасъ
— — 13	слѣдствій,	слѣдствій
131 — 1	неподвижно онъ,	неподвижно, онъ
141 — 10	поспъ-срипъ	поспъ-скрипъ
144 — 10	обижающа	обижаеися
148 — 2	благолучнѣйшими	благополучнѣйшими
154 — 13	даровавшихъ	даровавшихъ
156 — 7	способствующъ	способствуетъ
158 — 1	разливаетъ	разливаетъ
158 — 6	обогащаетъ	обогащаетъ
— — 11	сцены развѣ	сцены какъ развѣ
164 — 6	привлеченные	привлеченныя
— — 12	безсмертная	Безсмертная
166 — 23	стиха	стихла
190 — 2	умноженнымъ	умноженныхъ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

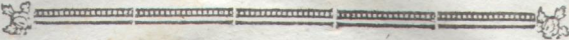
Напечатано.

Читай.

Спран. Спихъ.

4 —	7	прохладной	прохладой
8 —	4	изъ воды	
17 —	2	поская	поска
19 —	5	въ очарованье	въ очарованъѣ
24 —	20	Засѣсу	Завѣсу
27 —	14	невинностью	невинности
39 —	23	серцу	сердцу
67 —	7	счастливецъ	счастливицевъ
108 —	4	добравъ	дубравъ
111 —	11	дубравнымъ	дубравныхъ
113 —	10	жесмины	жасмины
119 —	11	день	день

П Р О З А.

СТАТЬИ ПРАВСТВЕННО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ.

О

познаніи Бога изъ природы.

(Съ Нѣмецкаго.)

Жизнеописаніе большей части испытателей природы показываетъ, что въ семь родѣ ученыхъ болѣе, нежели въ другихъ, (исключая тѣхъ, коихъ отличную обязанность составляетъ всегдашнее упражненіе въ словахъ Откровенія), — обнаруживается чистая дѣтская невинность — особенно глубокое чувство къ Религіи, внутренняя любовь къ Богу и ко Христу. *Ньютонъ, Лейбницъ, Германъ, Боергавъ, Галлеръ* были столь же великіе Христіане, какъ и испытатели природы; особенно сіе должно замѣшить о *Галлерѣ* и *Боергавѣ*. Образъ мыслей славнаго *Швалмердама* въ послѣдніе годы его жизни, такъ же довольно извѣстенъ. И кто, читая ежедневно сію книгу (т. е. природу) ис-

полненную священныхъ гѣроглифовъ, въ коей каждое слово вѣщаетъ о Богѣ, свидѣтельствуемъ о Его силѣ и Его милосердіи, — кто не возчувствуетъ въ себѣ возбуждающагося внутренняго стремленія къ Свѣту и вѣчной Любви? Кто не признается, какъ ничтожно скоро-преходящее время сей жизни, — когда онъ воззрѣтъ на древнее неизмѣнно пребывающее звѣздное небо, и на древнія горы, коихъ высокія посядѣлыя скалы такъ же, какъ и за нѣсколько столѣтій, взирають на ровныя поля, откуда одни народы, однѣ поколѣнія, были вытѣсняемы другими, на коихъ города процвѣтали и исчезали, государства возвышались и упали? Сіи священные гѣроглифы слишкомъ часто вспоминають о Томъ, Кто существовалъ еще прежде бытія сихъ горъ, былъ и есть опъ вѣка въ вѣкъ.

Такое созерцаніе природы доставляетъ душѣ нѣкоторое спокойствіе и внѣшнѣе довольство, кои находимъ гораздо труднѣе въ другихъ областяхъ наукъ, выключая ту изъ нихъ, которая уже болѣе нежели наука, т. е. содержащую въ себѣ Познаніе — науку о Богѣ, въ истинномъ смыслѣ

принимаемую. Конечно при созерцаніи гѣроглифическихъ словъ природы, въ душѣ нашей весьма часто происходитъ то, что случилось съ однимъ Готтентотомъ, который, находясь въ собраніи Миссіонеровъ и многихъ новокрещенныхъ ими въ *Долинѣ Благодати* на мысѣ Доброй Надежды, былъ столь тронутъ, во время пѣнія *Осанна*, что прослезившись подошелъ къ одному Миссіонеру и спросилъ его: „скажи мнѣ, учитель мой! что значить слово *Осанна*? Это должно быть великое слово.“ — Или то, что произошло такъ же съ одною Кафрянкою, признавшеюся предъ Миссіонерами: что хотя она и непонимала словъ слышанныхъ ею въ церквѣ, ибо самый языкъ былъ для нее не понятенъ, но что она чувствовала присемь нѣчто такое, чего не могла выразить. Она ощущала въ своемъ сердцѣ нѣчто пріятное, но при всемъ томъ должна была плакать.

Сїи темныя ощущенія, — предчувствіе Либви, которая насъ любила прежде, нежели положено было основаніе міру, коей творящія силы и освящающее дуновение нѣкогда здѣсь носились, и которая ничтожную землю содѣлала высокимъ сво-

имъ жертвенникомъ, — предчувствіе соединенія съ нею, бывшаго нѣкогда и еще имѣющаго быть, наполняютъ сердце хотѣнія неопредѣленнымъ, но искреннимъ стремленіемъ, извлекаютъ слезы изъ очей, подобно тому, какъ сіе случилось съ Готтешотомъ при непонятномъ для него словѣ *Оссана*. Христіанинъ знаетъ, что говорятъ ему сіи темныя ощущенія, внушенныя сердцу священными гѣроглифами природы; ему такъ же данъ, если только онъ того желаетъ, ключъ къ сему символическому языку.

Изученіе природы, истинно преподаваемое и понимаемое, могло бы быть предуготовительнымъ изученіемъ премудрости Божіей. Однакожъ какъ между учеными занимающимися Откровеніемъ, такъ и между испытателями природы, находились всегда худые изтолкователи, кои Бога хотѣли изъяснить единственно изъ природы. Большая часть анатомическихъ положеній, и особенно тѣхъ, въ коихъ механическія средства вмѣсто живыхъ силъ поставляются причинами всѣхъ движеній и явленій природы, производятся отъ недоразумѣнія при изъясненіи оной и

опять приводятъ къ сему недоразумѣнью. Но искреннія и мирныя души собственное и справедливое ея значеніе понимали во всякое время, чему мы приведемъ здѣсь только нѣкоторые примѣры.

Братъ *Лоренцо*, совершеннѣйшій человѣкъ по истинному познанію и любви, коего жизнеописаніе *Торштегенъ* приводитъ въ своемъ собраніи жизнеописаній, говоритъ въ разговорахъ своихъ съ *Г. фонъ-Борфортъ* слѣдующее:

„Богъ употребилъ особенное средство къ нравственному моему исправленію. На 18 году моего возраста смотрѣлъ я однажды зимою на дерево, которое тогда было безъ листьевъ и какъ бы совершенно засохло, но которое чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ долженствовало принести опять листья, цвѣты и плоды. Сіе размысленіе столь ясно представило мнѣ промыслъ и всемогущество Божіе, и здѣлало столь неизгладимое, глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей, что я оставилъ всѣ прежнія мои мнѣнія, кои до тѣхъ поръ удаляли меня отъ Бога, и тогда-то пробудилась во мнѣ Любовь къ Нему, которая въ теченіи сорока лѣтъ, послѣ того прошедшихъ, пребыла

всегда одинакою въ своей силѣ и живости.“

Подобное сему случилось съ одною дѣвицею, о которой упоминаетъ *Канне* въ своихъ жизнеописаніяхъ, и которая въ сильномъ и глубокомъ бореніи духа приближалась къ своему концу. Нива волнуемая вѣтромъ, послѣ стадо барашковъ, потомъ прекрасный полевой цвѣтокъ, были для ея болящаго, скорбнаго сердца, по внутреннему гласу Милости и Любви, столь же живыми, проникающими сердце и утѣшительными словами, какъ и подобія взятые изъ природы, кои самъ Христосъ употреблялъ въ своихъ притчахъ. Ибо для понимающаго, любящаго сердца вся природа есть притча, подобная тѣмъ, какія Христосъ преподавалъ своимъ ученикамъ и народу. Но конечно и для нихъ сѣи уподобленія, исполненные силы, любви и жизни, часто оставались не понятными, пока въ сердца ихъ не былъ положенъ всеизъясняющій ключъ, ниспосланный свыше. Но у сей дѣвицы, о которой здѣсь говорится, открыла очи высочайшая Любовь; она поняла слово жизни, вѣщавшее къ ней изъ природы. — Она освободилась

отъ болѣзней и отъ душевныхъ своихъ бореній; ея уста, ея радостныя слезы говорили о томъ, что съ нею случилось; ея сердце было на всегда исполнено радости и силы высочайшей Любви.

И природа есть такъ же гласъ Божій, какъ и Откровеніе. Сей гласъ понятенъ чаще самому дикому, не просвѣщенному сердцу. Сѣверный Американецъ, молящійся съ глубокимъ благоговѣніемъ, въ честь великаго, невѣдомаго ему Духа бросаетъ въ пучину огромнаго водопада, коего видъ такъ сильно его поразилъ, то, что онъ имѣетъ наилучшаго — свою любимую трубку. Кафрянка, пришедшая въ поселеніе Миссіонеровъ для наставленія и крещенія, на вопросъ: знаютъ ли Кафры о бытіи Бога, отвѣчала: мы Его знаемъ, изъ *Его теореній*, и потомъ начала рассказывать, что особенно удары грома вблизи одного *Канала* (Кафрская деревня или станъ) дали не просвѣщеннымъ ея землякамъ поводъ ко внѣшнему богопочитанію, которое обнаруживается приношеніемъ отъ каждаго любимѣйшихъ его вещей. — Много подобныхъ сему отзывовъ находимъ, даже у самыхъ дикихъ народовъ, у

коихъ искра первобытнаго святаго преданія о познаніи Божіемъ со всѣмъ почти потухла, и только сохранилось о немъ одно воспоминаніе чрезъ гласъ могущественной природы.

На людей, коихъ кроткая душа исполнена не страха, но любви, дѣйствуетъ болѣе,—какъ и въ вышеприведенныхъ примѣрахъ,—зрѣлище высокой, или тихой, прекрасной природы, ихъ прогая и возвышая; на противъ того сердцамъ, подверженнымъ страху, вѣщаетъ съ убѣдительною силою гласъ ужасной, могущественной природы. Для удостовѣренія въ томъ, стоимъ только прочитавъ повѣствованія многихъ мореплавателей, коихъ сердце было способно внимать сему высокому гласу. Я упомяну здѣсь только о сильной отважности *Вильгельма Дампира*, который прежде насмѣхался надъ всѣми опасностями и ужасами стихій, и даже искалъ ихъ съ юныхъ лѣтъ, имѣя природную склонность къ самой суровой морской жизни. Когда онъ въ одну ужасную ночь съ двумя изъ прежнихъ своихъ сопутниковъ и однимъ Индѣйцемъ, находясь среди открытаго моря не на суднѣ,

а на выдолбленномъ деревѣ, былъ настигнутъ грозою и бурею; тогда онъ и его Европейскіе товарищи вспомнили о всѣхъ прежнихъ своихъ поступкахъ, и о томъ, сколько до сихъ поръ были они далеки отъ истинной жизни. Такимъ образомъ пробуждается сильное стремленіе къ сей истинной жизни, къ сему безопасному пристанищу, въ коемъ дико обуреваемая душа находить единственное для себя успокоеніе, и души, однажды ему предавшіяся, никогда небываютъ онымъ оставлены, тогда какъ чудесная, милосердая Любовь спасаетъ несчастныхъ путниковъ тамъ, гдѣ, по мнѣнію людей, не было къ тому никакой надежды.

Что таковыя слова сего ужаснаго языка природы дѣйствуютъ и на самыя испорченныя сердца, то доказывается между прочимъ исторією, коея очевиднымъ свидѣтелемъ былъ славный Англинской проповѣдникъ *Ерскинъ*, и о которой говоритъ *Гильмерсъ* въ своемъ Христіанскомъ журналѣ. Весьма разительна, что самая та женщина, которая наибольше была порочна, и наидальше простерла блженство своего нечестія, наиболѣе была

устрашена, убѣждена и пронута сими пламенными словами природы, когда, обнявъ добродѣтельнаго Пастора, надъ которымъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ столь ужасно насмѣхались, вскричала: естли я должна умереть, такъ я умру съ тобою, Божій человѣкъ!—Но при таковыхъ естественныхъ приключеніяхъ съ сердцемъ, преданнымъ безумію, часто случается то же, что происходитъ съ тѣлесно безумнымъ великомъ круженіи качелей, помощію коихъ, какъ извѣстно, въ Англіи и другихъ мѣстахъ многимъ сумасшедшимъ былъ возвращенъ разсудокъ. При таковомъ ужасномъ волненіи природы кружащейся глазъ вдругъ видитъ себя оставленнымъ отъ всего того, къ чему до сихъ поръ такъ сильно былъ прикованъ его взглядъ,—видитъ себя оставленнымъ своею любимую чувственностію. Подъ нимъ и вокругъ него все колеблется. Тогда вдругъ, но съ ужасомъ и смѣшеніемъ, онъ приходитъ въ себя. — Заблудшій братъ! естли тебѣ такъ тягостно въ то время, когда ужасная природа только угрожаетъ еще тебѣ гибелью, что же будетъ съ тобою

нѣкогда при ужаснѣйшемъ изъ всѣхъ явленій и событій природы, которое мы называемъ смертію? — Что будетъ съ твоимъ безразсуднымъ заблужденіемъ, когда оно увидитъ себя совершенно и на всегда разлученнымъ отъ того, въ чемъ только до сихъ поръ оно обитало, чѣмъ жило, и къ чему только до сихъ поръ оно такъ крѣпко привязывалось? Ахъ, тогда оно пробудится отъ сна долгаго и глубокаго безумія; и одна только милосердая Любовь знаетъ, не поздно ли на всегда! Но хощя и тихая природа, какъ ужасная и сильная, столь же понятно вѣщаетъ сердцу: *есть Богъ!* привсемъ томъ она не можетъ довести къ истинному, живому познанію, а шѣмъ менѣе до любви къ Богу. — Звѣзда, показавшаяся Волхвамъ на востокѣ, возвѣстила имъ о рожденіи Христа, и привела ихъ къ самому дому, въ коемъ — по выраженіи одной старинной пѣсни —, Тотъ, коего невмѣщаль цѣлой міръ, покоился на лонѣ Дѣвы, облеченный въ нашу плоть и кровь.“ Равнымъ образомъ и то, чему мы научаемся изъ природы, приводитъ насъ въ опечесство нашей вѣчной Любви (въ внутренности сердца) и можетъ быть даже до Ирода, кото-

рой уже послѣ того сдѣлается нашимъ
пушеводителемъ; но во внутренность при-
рода не вводитъ естественнаго человѣка.
Ибо хотя и справедливо, что она есть
почти первая, вмѣсто словъ живыми су-
ществами и силами написанная, книга
Откровенія Божія; но человѣкъ въ шепе-
решнемъ его состоянїи, которое мы на-
зываемъ естественнымъ, потерялъ ключъ
къ сему высокому языку гѣроглифовъ;—онъ
понимаетъ его столько же мало, какъ есть-
ли бы кто разбирающій только не многія
буквы захотѣлъ читать написанную Биб-
лію. Когда же онъ просвѣщается свыше,
тогда конечно понимаетъ уже и самую
природу, и на каждой страницѣ сей вели-
кой книги читаетъ: „есть Христосъ, ми-
лосердая, безконечная Любовь, которая
освобождаетъ насъ отъ оковъ зла, въ ко-
ихъ помяты всѣ творенія сей бѣдной
природы, которая есть только одна шѣнь
природы, нѣкогда существовавшей и той
новой земли, коея мы ожидаемъ. Но все
сѣе познаетъ только любящее и во вну-
тренности своей для любящаго гласа от-
крытое сердце, и при томъ непосредствен-
но уже изъ словъ, и поученій сего самаго

гласа; а сердце, желающее вездѣ слышать и говорить только о своей любви, конечно чувствуетъ чистѣйшую радость, коей причиною есть отблескъ свѣта, его наполняющій. А ты, давно уже заблудшее сердце, что ты вѣщаешь?

Смотри, весна пришла уже со всѣми своими цвѣтами и радостями; путь пробудилось мое сильное стремленіе, которое было усилено въ шумѣ сей жизни; оно устремилось искать Того, кого любить моя душа; но, о вѣчная Любовь! я не находилъ себя въ цвѣтахъ весеннихъ. Я вопрошала лѣто, я вопрошала осень со всѣми ея богатствами: гдѣ пребываетъ Тотъ, котораго ищетъ моя душа, которой нѣкогда, въ нѣжномъ моемъ дѣйствіи, былъ моимъ? но она не отвѣчала мнѣ на это; и зима, въ своемъ нѣмомъ величьи, глаголетъ только о смерти, а не о вѣчно любящей Десницѣ, въ которой чаешь нѣкогда успокоится мое вѣрующее сердце. Высокое звѣздное небо со всѣми безконечными мѣрами протекло предъ ищущимъ окомъ, мой взоръ проникаетъ въ неизвѣстныя глубины; но кого любишь моя душа, Того не нашелъ я въ безчисленности его міровъ.—

Мое стремленіе увлекало меня въ бездны и на горы, кои громко возвѣщаютъ твореніе первыхъ столѣтій; но Того, кто былъ прежде нежели созданы сїи горы, прежде нежели сотворены земля и мїръ, того не нашло мое любящее сердце ни въ безднахъ, ни на горахъ. — Всѣ творенія Твои, кои можешь узрѣть земное око, силы природы,—сїи вѣстники твоего могущества—у всего этого мое ищущее сердце вопрошало о Тебѣ; ахъ, они не отвѣчали мнѣ на это! всѣ они вѣщали о мудромъ, великомъ, благомъ, но и о безконечно непостижимомъ для бѣднаго человѣческаго сердца, Богѣ; они вѣщали мнѣ, что мои блуждающія стопы слишкомъ отъ Тебя удалены! Виждь, о Ты вѣчная любовь! я искалъ Тебя, Боже, во Христѣ сущій, искалъ прежде нежели могъ Тебя любить.

Я вопрошалъ всѣ существа, я вопрошалъ сихъ вѣстниковъ Твоего могущества: кто дастъ любовь моему сердцу, дабы я могъ любить безконечнаго, и чрезъ мою любовь обрѣсти Его? но всѣ Твои существа безмолвствовали; они не могли мнѣ вдохнуть той къ Тебѣ любви, коею

ни когда не можешь Тебя любить плоть и кровь, но только новосотворенный Твоимъ милосердіемъ человѣкъ; наконецъ око упомленное исканіемъ уснуло, — оно уснуло въ глубокой пропасти, куда вовлекло его собственное безуміе, и путь раздался не наказующій, не гнѣвной, но вѣчно любящій гласъ: проснись возлюбленная, встань спящая! смотри, зима уже прошла и непогоды миновались! весна и цвѣты снова возвратились и говоръ горлицъ слышенъ повсюду. Тогда пробудилась моя душа; мои очи узрѣли Того, кого любить душа моя. Такъ, зима прошла и непогоды миновались; наступила вѣчная весна. —

Явись намъ, и мы устремимся за Тобою!

Николай Левицкій.

П и с ь м о

Сенъ-Мерана къ Графу де-Полиньи.

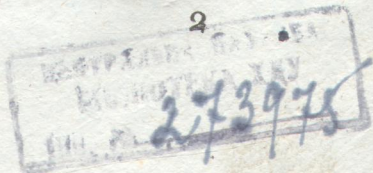
(Съ Польскаго.)

Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ примѣчаю я, любезной другъ, что ты, излѣчившись наконецъ отъ несчастной страсти, слѣдуешь влеченію къ изящнымъ наукамъ и искусствамъ. Я стану отвѣчать тебѣ на недоумѣнія твои и на вопросы.

Повѣрь мнѣ, любезный Полиньи, что большая часть и самыхъ пагубныхъ предразсудковъ есть плодъ человѣческихъ страстей. Простое легковѣріе охотно уступаетъ очевидности. Ни какое сильное влеченіе, не въ состояніи привязать его къ заблужденію; оно удаляется безъ упорства, будучи поражено свѣтомъ, котораго ужащаются страсти и котораго по видимому не узнають.

Такъ, любезный Полиньи; религія необходима. Чѣмъ болѣе люди сближаются съ природою, тѣмъ сильнѣе чувствуютъ ея необходимость, сѣ высокое желаніе, внушен-

ное благодарностію и надеждою. — Атеизмъ, есть сонъ образованнаго, но надмѣнностію ослѣпленнаго человѣка. Всѣ дикія орды утвердили между собою нѣкоторыя обряды. Признавать высочайшее Всемогущество, прославлять и молить Его о помощи, есть чувство, свойственное каждому, кто только слѣдуетъ влеченію природнаго разсудка. Слѣдовательно идолопоклонство есть только заблужденіе даннаго намъ Творцемъ инстинкта. Но атеизмъ, или что почти одно и то же, деизмъ нынѣшнихъ умниковъ есть послѣдняя и труднѣйшая для понятія степенъ бессмысленности. Кто же симъ сумасбродамъ объявилъ, что высочайшее существо, создавшее человѣка разумнымъ и чувствительнымъ и вмѣстѣ давшее ему бессмертную душу, можетъ быть не внимательно къ его жертвамъ и глухо къ мольбамъ? — Что оно не болѣе требуетъ отъ разумныхъ твореній, одаренныхъ мыслию и словомъ, какъ сколько и отъ безразсудныхъ животныхъ, которыхъ покорило оно ихъ владычеству? Ужели столь простыя сужденія не производятъ въ нашихъ деислахъ ни малѣйшаго сомнѣнія? — Такъ

чтожъ это за нечувствительное существо, котораго я не въ состоянїи ничѣмъ прогнѣвить и ни чѣмъ тронуть? Что это за неумолимый повелитель, которой уклоняетъ слухъ свой отъ гласа моего? — Для чего далъ онъ мнѣ способность того познанїя, что онъ есть превѣчный источникъ всякаго совершенства, какъ не для того, что бы я славословилъ, обожаля его и благоговѣль предъ нимъ? —

Мы слышимъ повторяющихъ говоренное уже прежде—и что за сто лѣтъ могло быть правдою, — что нѣтъ истинныхъ атеистовъ. Пока нынѣшняя философія не разрушила всѣхъ основаній и не испребила всей нравственности, до тѣхъ поръ атеизмъ былъ въ самомъ дѣлѣ весьма рѣдокъ. Были правда истинные деисты, но только весьма отличные отъ нашихъ. Допуская бытіе Бога, они вѣрили, что его почитать и молить должно. — Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они сомнѣвались; не вѣрили и не отвергали Откровенія и благоговѣли предъ высокою нравственностію Евангельскою. — Не презирая вѣрующихъ, они говорили: можетъ быть они хорошо мыслятъ. Однакожъ будучи не въ

состоянїи переносить сей страшной неизвѣстности, они испытывали все и учились обнаруживать истинну, которая всегда открывается неліцемерно ищущимъ ее, и подвиги испытаній своихъ кончили тѣмъ, что здѣлались на послѣдокъ истинно богобоязненными.

Нынѣшніе Философы утверждаютъ, что сословіе, составленное изъ атеистовъ, было бы миролюбивѣйшимъ и любезнѣйшимъ въ свѣтѣ обществомъ и хопятъ, что бы не было ни господствующей, ни законами предписанной религіи.

Ежели бы сіе несчастіе и случилось въ какомъ нибудь Государствѣ, то что бы отъ сего произошло? то, что народъ здѣлался бы игралищемъ самаго жалкаго суевѣрія. — Кто только жилъ въ провинціяхъ и знаетъ сельскихъ жителей, тотъ согласится, что они безъ обрядовъ богослуженія обойтись не могутъ. Если мы и отнимемъ у нихъ вѣру ихъ предковъ, то они составятъ себѣ другую; они забудутъ правила противящіяся страстямъ, выдумаютъ для себя странные обряды и не чувствительнo вовлекутся въ идолопоклонство, суевѣріе и фанатизмъ.

Для утверждѣнiя справедливыхъ и благодѣтельныхъ уставовъ, надобно утвердить книгу законовъ человѣческихъ на книгѣ религiи. Ибо, что суть законы безъ общественной нравственности? Ежели бы отвергнули религiю, то надобно бы запретить и чтенiе Фенелона, Паскаля, Массильона, Боссюэта, Расина, Шамобрiана и проч; ибо они въ своихъ безсмертныхъ творенiяхъ доказываютъ, что истинная добродѣтель не можетъ существовать безъ религiи.

Нравственность безъ религiи всегда будетъ зависѣть отъ прихоти каждаго: одинъ захочетъ хвалишь развратъ, другой самоубiйство, а иной осмѣивать добродѣтель, называть предрассудками любовь къ отечеству и чувство природы. Онъ будетъ утверждать, что развратная женщина полезнѣе Государству, нежели та, которая всю жизнь свою посвящаетъ попеченiямъ о больныхъ, помощи бѣднымъ, искупу плѣнныхъ. Да и почему же не принять бы сихъ правилъ? Онъ толикому числу людей столько угождаютъ! кто силенъ изтребить ихъ? Когда человѣкъ съ разсудкомъ и талантами захочетъ

утверждать ложное мнѣніе, то не будетъ ли онъ увѣренъ въ своей побѣдѣ? — Скажушь, что можно будетъ составить начальныя основанія нравственности для народа. Не думаю только, что бы можно было ихъ здѣлать полезными безъ внушеній Евангельскихъ; но даже и въ семь случаевъ, коль скоро онѣ не были бы преподаны какъ истинное слово Божіе, то умножили бы только число ложныхъ святошей; поелику самая благоразумнѣйшая власть человѣческая, ни когда не принудитъ чтить строгую нравственность, предписанную людьми. — Страхъ Божій можешь руководствовать къ совершенству, но одинъ страхъ, или стыдъ отъ людей ни когда не вкореняетъ существенныхъ добродѣтелей и научаютъ одному только лицемерію. —

Что же мы противупоставимъ сему мнѣнію: что отъ религіи можешь произойти фанатизмъ? Чего люди не привыкли во зло употреблять! — Такъ неужели для сего должно заглушать во всѣхъ сердцахъ любовь къ отечеству и свободѣ; поелику сѣи чувствованія, худо пони-

маемая, были часто знакомъ къ ужаснымъ злодѣянїямъ и смятенїямъ?

Къ щастїю добродѣтели, со временъ смерти начальниковъ опаснѣйшей секты религїя не имѣетъ уже болѣе непрїятелей, кромѣ тѣхъ, коихъ усилїя бывъ столько же ничтожны, сколько и беззаконны, заслуживаютъ одно только презрѣнїе. Писатели безъ дарованїй, въ надутомъ и дурномъ слогѣ, повторяютъ тысячу разъ уже повторенныя мысли, предполагая, что глубокомысленность умовъ отъ того только зависитъ, что бы всему противурѣчить, все уничтожать. Имъ кажется, что имѣютъ способности Вольтера, когда разсуждаютъ о Философїи. Смѣшныя пигмеи на высокихъ ходуляхъ, выдающїе себя за Гигантовъ, вступающихъ въ брань съ Небомъ!! . . .

Антонъ Пафнутьевъ.

Благотворительности.

(Подражаніе Французскому.)

Состояніе общежитія нераздѣльно съ природою человѣка. Существо, назначившее многимъ родамъ животныхъ жизнь вмѣстѣ, опредѣлило равномерно и человѣка къ тому же назначенію. Оно умѣло изъ самой слабости его, не менѣе, какъ и изъ способности — *мыслить и говорить*, составить крѣпчайшія узы, дабы привязать его къ общежитію. Ложные Философы старались пошумнѣе сомнѣніемъ сію истинну.

Спраждающій человѣкъ, или пораженный зрѣлищемъ несправедливостей испорченныхъ обществъ, могъ конечно забыть ее на минушу. — Истинна, основанная на опытѣ, осудила къ забвенію всѣ доказательства лжеумствователей, и довольно было одного сладчайшаго общественнаго удовольствія, что бы возвратить человѣка въ нѣдро общества. — По сему-то всеобщему закону природы, по сему врож-

денному побужденію общежитія, прости-
рающагося на многіе другіе роды живош-
ныхъ, человѣкъ, для достиженія къ свое-
му благополучію, имѣетъ нужду въ чело-
вѣкѣ. Будучи существомъ слабымъ и не-
мощнымъ, носящимъ въ себѣ источникъ
своихъ несчастій и окруженнымъ тысяча-
ми опасностей, онъ не можетъ довѣсть
одинъ самому себѣ. Онъ принужденъ отъ
самой утробы матерней до самыхъ две-
рей гроба непрерывно прибѣгать подъ
защиту себѣ подобныхъ. — Таковъ чело-
вѣкъ, и таковымъ мы его видимъ во всѣ
времена и во всѣхъ странах! ш. е. всег-
да живущимъ въ обществѣ болѣе или ме-
нѣе благоустроенномъ, всегда имѣющимъ
нужду въ пособіи другихъ, и ощущаю-
щимъ нужду сію по мѣрѣ усовершенство-
ванія искусствъ, успѣховъ трудолюбія,
промышленности и народнаго богатства.
Тамъ, гдѣ развитіе нравственныхъ спо-
собностей человѣка оказывалось совер-
шеннѣйшимъ; тамъ, гдѣ поразилъ наибо-
лѣе блескъ общежитія, — находятъ
больше и связей, больше соотношеній, а
слѣдовательно тамъ ощущительнѣе нахо-
дятъ нужду въ подобныхъ себѣ. Итакъ,

для нашего счастья необходимо нужно знать, какимъ образомъ мы должны вести себя въ разсужденіи нашихъ собратій; какимъ образомъ мы можемъ заставить ихъ принимать участіе въ нашемъ счастьи; и сѣю - то тайну постараемся извлечь изъ здраваго разсудка. *Дѣлать иль добро въ возможной степени нашихъ физическихъ и нравственныхъ силъ и требовать мало*, — въ этомъ состоишь великая наука умѣть хорошо жить въ обществѣ, говорилъ одинъ знаменитый писатель.

Изслѣдуемъ сѣ правило: *дѣлать людямъ добро въ возможной степени нашихъ силъ физическихъ и нравственныхъ*; или короче сказать: *оказывать иль благотворительность*, и посмотримъ, въ чемъ состоишь истинная благотворительность.

По мнѣнію моему благотворительность не ограничиваетъ себя однимъ дѣйствіемъ — *давать*. Она въ себѣ заключаетъ все, что только можетъ быть полезно и пріятно для людей, п. е. снисхожденіе къ ихъ ошибкамъ, соспраданіе и утѣшеніе въ ихъ несчастіяхъ, терпи-

мость, а иногда и самое уваженіе ихъ мнѣній, усердное участіе въ ихъ дѣлахъ и наконецъ всѣ добродѣтели общежитія, взимаемыя подъ различными именами, которыя суть только различныя направленія сего всеобщаго расположенія — *благодѣлать*. Но есть другой родъ благотворительности, хотя не столь дѣйствительной, но впрочемъ столько же полезной для людей въ ихъ общественномъ состояніи. Её-то разумѣютъ подъ всеобщимъ именемъ учтивства; оно составляетъ нѣкоторымъ образомъ внѣшнюю благотворительность; оно есть, такъ сказать, предѣшникъ нашего почтенія, доказывающій благорасположеніе наше, коего дѣйствія заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе важности, нежели сколько ихъ усмотрѣть можно съ перваго взгляда. Учтивство есть непрерывное вниманіе къ тому, что бы никого не оскорбить и нравиться всѣмъ. Оно извѣстно въ свѣтѣ подъ различными именами, смотря по различнымъ дѣйствіямъ рода жизни: оно называется вѣжливостію, благосклонностію, благопристойностію, скромностію, почтеніемъ и проч. Оно предваряетъ людей

въ нашу пользу, и открываетъ путь къ существенной благошворительности.

Кто спарается нравиться другимъ посредствомъ учтивства, шотъ снискиваетъ нѣкоторую гибкость характера, ведущую къ готовности оказывать на самомъ дѣлѣ добро всякаго рода; ибо люди отъ благосклонности, отъ уваженія удобно переходятъ къ снисходительности, терпимости, гостепрїимству, доброжелательству. — Самые добродѣтельные и самые полезные для людей поступки часто теряютъ цѣну свою, ежели они не отражаются въ блистательныхъ и плѣнительныхъ чертахъ учтивства. Слѣдовательно благошворительность есть крѣпчайшее звено, связующее людей; ибо оно скрѣпляетъ и упрочиваетъ ихъ благополучіе. Но дабы оно производило всегда подобныя дѣйствія, для сего потребно, что бы свѣшильникъ благоразумія предшествовалъ ему; нужно, что бы оно было обдуманно и кшати употребляемо. Такимъ образомъ существенныя благодѣянія не должны быть распчаемы на блистающихъ своею знаиностію людей, на особъ осыпанныхъ дарами щасія, въ намѣреніи

получить отъ нихъ взаимное и выгоднѣйшее воздаянiе. Онѣ не должны быть цѣною похвалъ, сплетаемыхъ лестiю; цѣлю ихъ долженъ быть человекъ съ заслугами, но несчастный, — человекъ, страдающій попеченiю непредвидѣнныхъ приключенiй.

Въ первыхъ случаяхъ онѣ сильны польстить нашему самолюбію: но въ послѣднемъ только случаѣ онѣ сильны возродить истинное почтенiе и прочную признательность. Богатые люди, равно какъ и снискавшіе власть и довѣріе въ обществахъ, вообще весьма слабо чувствуютъ цѣну угожденiй, копорыя имъ дѣлають. Они думаютъ, что довольно одного блеска ихъ славы или власти, вмѣсто всякаго отвѣта на оказываемое имъ подобострастiе. Лестницы, жертвуя собственнымъ самолюбіемъ корыстолюбію, слѣдуютъ единственно за симъ только идоломъ. Бывъ неспособны къ благодарности, они удаляются съ своими низостями при удаленiи фортуны. Одинъ несчастливецъ, одинъ только шотъ, коего чувствительность изострили спраданiя, сроденъ къ благодарности; онъ одинъ, сильно поражаемый великостiю благошворенiй, сохра-

илетъ непрерывное объ нихъ воспомина-
нiе; онъ напечатлѣвается, такъ сказать,
ихъ на своемъ сердцѣ и ожидаетъ часто
съ мучительнымъ неперпѣнiемъ желаннаго
случая — быть въ силахъ излить за оныя
благодарность.

О ты — кто бы ты ни былъ — человекъ,
творящiй добронещастливцу! — во всѣхъ
перемѣнахъ сей коловратной жизни ты
вездѣ найдешь убѣжище, готовое укрыть
тебя самаго отъ раздраженной судьбины;
тебѣ будешь вездѣ отверсны объятiя,
простершыя для успокоенiя твоего серд-
ца, — вездѣ, гдѣ только уста облагодѣтель-
ствованнаго тобою произнесутъ твое
имя! . . .

До сихъ поръ мы разсуждали о бла-
гошворительности, въ отношенiи къ ея
пользѣ и нуждѣ, ощущаемой людьми въ
оказыванiи оной. Не бесполезно будетъ, по-
мѣнiю нашу, описать живѣйшее и пол-
ное удовольствiе, производимое оказыва-
нiемъ оной. Что можешь быть прiятнѣе
водѣйствiя благополучiю другаго!.. Какое
щастiе — быть творцемъ щастiя друга-
го! сiя-то неизъяснимая сладость есть
ешихiею великодушiя, щедролубiя, госте-

пріимства, снисхожденія; и она одна одушевляетъ ихъ такою силою, которой самая неблагодарность и изувѣрство людей не въ состоянїи ослабить. „Одна только полная мѣра удовольствія, едва вмѣщающаяся въ сердце творящаго добро — говоритъ Сенека — утѣшаетъ его въ томъ, что гражданскіе законы не утвердили благодарности, какъ обязательствъ, что они не опредѣлили наказанія неблагодарности, какъ преступленію.“ Ахъ! пріятство добраго поступка есть выше всякаго воздаянїя:

Почувствовать добра пріятство —
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ!

Внезапная переменѣна въ блѣдномъ лицѣ, слеза восторга, сверкающая въ глазахъ, едва движущихся, улыбка благодарности, разцвѣтшая на засохшихъ устахъ человека, изторгнушаго изъ ужасовъ нищеты, поднятаго съ одра болѣзней и страданій, или возвращеніе къ жизни опчающаго — не естьли возхитительное зрѣлище, которое всѣ изгибы благотворящаго сердца подобно электрическому огню потрясаетъ? но сей небесный восторгъ не оканчиваетъ

ся съ окончаніемъ злополучія благотвори-
тельныхъ. Наслажденіе благотворителя мо-
жетъ возрастать, ежели его воображеніе,
устремленное въ будущность, созерцаетъ
въ ней слѣдствія своей благотворитель-
ности; тогда какая ему нужда до того,
что ее забудутъ? какая ему нужда до бла-
годарности людей? Самое время, такъ
сказать, принимаетъ на себя попеченіе
заплатить сей долгъ, и всякое счастли-
вое дѣйствіе благотѣтельнаго его по-
ступка приноситъ ему съ собою награду
за добро его. Онъ въ щасливой благотвори-
тельныхъ имъ находишь свою благодар-
ность, въ которой ему отказываютъ лю-
ди; ибо онъ у самаго неблагодарнаго ис-
торгаетъ внутреннее, нѣмое свидѣтель-
ство признательности! — Чтожь тогда,
когда благодареніе сіе простирается на
цѣлое сѣмейство? . . . Чтожь тогда, ког-
да оно будетъ имѣть цѣлю своюю цѣлой
народъ? . . . Чтожь благодареніе наконецъ
до того, кто понесъ неимовѣрные труды,
совершилъ съ вождѣннымъ успѣхомъ
великія предпріятія, клонящіяся къ бла-
годенствію величайшей части рода чело-
вѣческаго? . . . О АЛЕКСАНДРЪ Благо-

словенный! о Монархъ, въ щедротахъ
и милосердіи безпримѣрный! можешь быть
ты одинъ изъ смертныхъ чувствовалъ въ
полной мѣрѣ всю сладость небеснаго сего
упоенія въ то время, когда побѣдами
Твоими освобожденные враги и союзники,
Цари и Царства земныя спорили другъ
съ другомъ великости своея благодар-
ности предъ Тобою.

А. Пафнутьевъ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Правила искусства писать.

(Изъ Бюффона.)

Были во всѣ времена люди, которые силою слова умѣли повелѣвать другими; но только въ просвѣщенные вѣки могли хорошо писать и хорошо говорить. Истинное краснорѣчье предполагаетъ силу генія и образованность ума. Оно весьма отлично отъ сей натуральной способности говорить, которая есть ничто иное, какъ даръ, качество, принадлежащее всѣмъ, имѣющимъ страсти сильныя, органы гибкіе, воображеніе быстрое. Люди сіи чувствуютъ живо, удобно распростирающа, твердо впечатлѣваютъ въ себѣ внѣшность предмѣтовъ и посредствомъ сего впечатлѣнія, совершенно механическаго, переливаютъ въ другихъ свой энтузіазмъ и весь пламень страсти. Здѣсь тѣло говорить другому тѣлу; всѣ движенія, всѣ знаки соединяются и служатъ себѣ взаимно.

Что нужно для возбужденія и увлеченія толпы народной? Что нужно также для разпроганія и убѣжденія большей части другихъ людей? — Тонъ сильной, страстной — проникающій душу, — тѣлодвиженія скорыя и выразительныя, слова быстрыя и звучныя. Но для небольшого числа людей, имѣющихъ умъ основательной, вкусъ тонкой, чувство нѣжное, — людей, которые тонъ, тѣлодвиженія и пустой звукъ словъ считаютъ за маловажное, — нужны вещи, мысли, доводы; надобно умѣть представить оныя, подобрать, привести въ порядокъ: недовольно поражать слухъ, занимать зрѣніе; надобно дѣйствовать на душу и, говоря уму, трогать сердце.

Слогъ есть расположеніе и ходъ мыслей: если онѣ соединены тѣсно, сжаты, — слогъ будетъ сильной, крапкой; если онѣ медленно слѣдуютъ одинъ за другими и соединяются только съ помощію словъ, хотя бы впрочемъ и самыхъ отборныхъ, — слогъ будетъ многорѣчивый, вялый, разшнурый.

Но прежде, нежели изыщемъ порядокъ, въ какомъ будутъ изложены мысли наши,

надобно начертать планъ самый всеобщій и болѣе постоянный, въ который бы входило одно только первоначальное обозрѣніе и главныя идеи. Въ семъ первоначальномъ планѣ каждая идея должна занимать свое мѣсто, что бы предметъ былъ ограниченъ и пространство его было извѣстно; должно безпрестанно содержать въ памяти сіи первыя черты, которыми опредѣляемы будутъ дѣйствительныя промежутки, отдѣляющіе главныя идеи, изъ коихъ произпекутъ идеи побочныя и среднія для наполненія тѣхъ промежутковъ. Быстрога генія поможетъ намъ представить себѣ всѣ главныя и частныя идеи подѣ ихъ истинной почкой зрѣнія, тончайшая разборчивость — отдѣлитъ сухія мысли отъ идей плодовиныхъ, а прозорливость, большою привычкою писать приобретаемая, заблаговременно дастъ почувствовать, какое будетъ произведеніе всѣхъ оныхъ дѣйствій ума. Если предметъ хотя не много обширенъ, или запутанъ, то весьма рѣдко можно объять оный однимъ взглядомъ, или проникнуть въ цѣлость его однимъ первымъ усиломъ генія и рѣдко, даже послѣ продолжитель-

наго размышленія, можно постигнутьъ всѣ его отношенія. По сему никогда не можешь быть излишнимъ заниматься онымъ; это есть единственный способъ усилить, распространить и возвысить мысли свои. Чѣмъ болѣе посредствомъ размышленія сообщено имъ будетъ важности и силы, тѣмъ легче потомъ осуществишь оныя посредствомъ выраженія.

Но планъ не есть еще слогъ; онъ служитъ ему основаніемъ; онъ его поддерживаетъ, управляетъ его движеніемъ и подчиняетъ законамъ; безъ сего лучшій писатель удаляется отъ своего предмета; перо его, такъ сказать, блуждаетъ и на пути своемъ разбрасываетъ черты неправильныя, изображенія противорѣчушія. Какіе бы ни употребилъ онъ блестящія цвѣты, какія бы красоты ни разсѣялъ по рознѣ; но если все это не имѣетъ гармоніи и силы, — произведеніе будетъ не совершенно, не стройно, и читатель, удивляясь уму автора, можетъ подозрѣвать его въ недостатокѣ тенія. По сей-то причинѣ тѣ, кои пишутъ, какъ говорятъ, — хотя говорятъ приятно, но пишутъ худо, — тѣ, кои воспламеняютъ

ся первымъ огнемъ воображенія своего, начинають такимъ пономъ, котораго не могутъ выдержать, — шѣ, кои боясь упустить мысли отдѣльныя, бѣглыя и кои пишутъ въ разныя времена отрывками, ни когда не могутъ соединить оныхъ безъ принужденнаго перехода; однимъ словомъ: у насъ столько сочиненій, составленныхъ изъ разныхъ, наборныхъ частей и такъ мало цѣлыхъ — въ одномъ духѣ написанныхъ.

Между шѣмъ всякой предметъ есть единъ и, сколько бы онъ ни былъ обширенъ, можетъ вмѣщаться въ одной рѣчи: остановки, пресѣченія, отдѣленія только тогда могутъ быть употреблены, когда разсуждается о разныхъ предметахъ, или когда, говоря о матеріяхъ важныхъ, трудныхъ, запутанныхъ, полешь генія удержанъ бываетъ многоразличными препятствіями и измѣненъ необходимостію обстоятельствъ. Иначе большое число подраздѣленій не только не можетъ придать сочиненію большей прочности, но разрушаетъ составъ онаго; книга дѣлается лосѣ для глазъ, но намѣреніе автора остающаго темнымъ; онъ не можетъ про-

извѣсти впечатлѣнія въ умѣ чинашеля; не можетъ также иначе сдѣлаться для него понятнымъ, какъ только чрезъ продолженіе ниши и гармоническую зависимость идей, чрезъ послѣдственное раскрытіе, выдержанную постепенность и единообразное движеніе, которымъ всякое пресѣченіе уничтожается, или ослабляется.

По чему произведенія природы столь совершенны? По тому, что каждое изъ нихъ составляетъ нѣчто цѣлое, и что природа дѣйствуетъ по плану вѣчному, отъ котораго никогда не отпадается. Она въ молчаніи приготовляетъ зародыши своихъ произведеній; начертываетъ — единымъ дѣйствіемъ — первообразную форму для всякаго живаго существа, раскрываетъ, усовершенствуетъ оную посредствомъ непрерывнаго движенія и въ опредѣленное время. Произведеніе удивляетъ, но поражать насъ можетъ одна только божественная печать, которой черты явственны на немъ отлиты. Умъ человѣскій ничего не можетъ творить; онъ тогда только производитъ, когда оплодотворенъ бываетъ опытностію и размышленіемъ;

его познанія суть зародыши его произведеній. Но если онъ въ своемъ теченіи и въ трудахъ своихъ будетъ подражать природѣ, если онъ возвысится чрезъ созерцаніе высочайшихъ истинъ, если оныя соединитъ въ одно цѣлое, въ систему; тогда на незыблемыхъ основаніяхъ поставитъ онъ памятники безсмертныя.

Несовершенство плана, недоспашокъ надлежащаго вниманія и размышленія объ излагаемомъ предметѣ, бываетъ причиною, что человекъ разумной приходитъ въ замѣшательство и не знаетъ, съ чего начать писать: ему вдругъ представляется множество идей; но какъ онъ не дѣлалъ между ими ни сравненія, ни распорядка, — по тому и не можетъ рѣшиться предпочесть ихъ однѣ другимъ, и остается въ недоумѣніи. Когда же онъ усовершенствуетъ планъ свой, когда за однимъ разомъ совокупитъ, приведетъ въ порядокъ всѣ мысли, необходимо нужныя для его предмета; тогда легко усмотритъ минутое, въ которую долженъ приниматься за перо, — почувствуетъ зрѣлость произведенія ума и поспѣшитъ развить оное; удовольствіе писать воспламенитъ душу его;

идеи безъ затрудненія будутъ слѣдовать
однѣ за другими и слогъ сдѣлается натураль-
нымъ, плавнымъ, легкимъ; быспрый огонь
разольется по всему сочиненію и сооб-
щитъ жизнь каждому выраженію; все по-
степенно будетъ одушевляться, тонъ воз-
высится, предметы примутъ цвѣтъ, кра-
ски, и чувствованіе, со свѣтомъ соеди-
няясь, увеличитъ оный, распространитъ,
перенесетъ ошъ сказаннаго уже къ тому,
о чемъ слѣдуетъ еще говорить, и слогъ
содѣлается занимательнымъ и яснымъ.

Ни что такъ не охлаждаетъ жара,
какъ излишняя заботливостъ помѣщать
вездѣ черты остроумія; ни что такъ не
противоположно свѣту, долженствующе-
му образоватъ тѣло и сіять равномерно
во всемъ сочиненіи, какъ искры сіи, кои,
съ усиліемъ изпоргаясь, спалкиваютъ,
такъ сказать, однѣ слова съ другими и,
ослѣвляя насъ въ продолженіи нѣсколько
минутъ своимъ блескомъ, оставляютъ по-
томъ въ глубокомъ мракѣ. Это суть мы-
сли, кои чрезъ одно только противорѣчіе
дѣлаются блестящими; онѣ представля-
ютъ одну только сторону предмета, на-
кидывая тѣнь на всѣ другіе виды, и, обык-

новенно, сторона сія есть та самая почка, гдѣ игра ума происходитъ шѣмъ съ большею легкостію, чѣмъ опдаленнѣе шѣ важные виды, подѣ коими здравой разсудокъ привыкъ разсмащривать вещи.

Ни что такъ не противоположно истинному краснорѣчію, какъ употребленіе сихъ острыхъ мыслей, изобрѣшеніе сихъ легкихъ, понкихъ, непостоянныхъ идей, которыя, подобно листкамъ разбитаго металла, принимаютъ блескъ только съ потерей своей сплошности; чѣмъ болѣе разсыпано будешь сихъ мѣлкихъ, блестящихъ идей въ сочиненіи, шѣмъ менѣе будешь въ немъ новости, свѣта, жара и слога; если мысли сіи не служатъ сами по себѣ основаніемъ матеріи и если писатель имѣетъ предметомъ своимъ одну только шутку; тогда искусство говорить о вещахъ малыхъ дѣлается, можетъ быть, труднѣйшимъ, нежели искусство говорить о вещахъ важныхъ.

Ничто такъ противоположно изящной природѣ, какъ усиліе, истощаемое на изображеніе предметовъ обыкновенныхъ, и ничто такъ не унижаетъ писателя, какъ начало, написанное шомъ стран-

нымъ, высокопарнымъ. Ему не удивляюща-ся, но жалѣють о времени, въ новыхъ изчисленіяхъ, смѣшеніяхъ слоговъ пошернаномъ для того, что бы сказать только, о чемъ всѣ уже говорили. Сей погрѣшности подвержены умы образованные, но безплодные; у нихъ большое изобиліе въ словахъ, но нѣтъ мыслей; по чему и заботятся они объ однихъ только словахъ, — и подобравши, расположивши выраженія, они воображаютъ, что соединили самыя идеи и очисти́ли языкъ, когда напрошивъ испортили оный, измѣняя въ немъ значенія. Писатели сїи не имѣють слога, или — если угодно — имѣють одну только тѣнь онаго.

Чтобы хорошо писать, надобно совершенно понимать предметъ свой; надобно долго размышлять объ немъ, что бы яснѣе видѣть порядокъ своихъ мыслей и составивъ изъ нихъ непрерывную цѣпь, которой бы каждая часть представляла идею; и когда возмемся за перо, то вести его надлежитъ постепенно отъ первой черты, не позволяя ни удаляться ему отъ оной, ни слишкомъ неровно приближаться, и не давать ему другаго направле-

нѣд, другаго движенія, кромѣ предназна-
ченнаго пространствомъ, какое должно
оно пройти. Въ эпосѣ-то состоитъ спро-
сость слога и его единство, это управ-
ляетъ его порывами, и сего одного такъ-
же довольно, что бы сдѣлать оный поч-
нымъ и простымъ, единообразнымъ и яс-
нымъ, сильнымъ и привлекательнымъ. Еже-
ли къ сему правилу, гениемъ начертанно-
му, присоединится нѣжность и вкусъ,
спросость въ выборѣ выражений и вни-
мательность — не именовать вещей терми-
нами всеобщими, не опредѣлительными, —
слогъ будетъ благородной. Если къ тому
присоединится еще недовѣрчивость къ
первому своему движенію, презрѣніе ко
второму, что имѣетъ одинъ только блескъ,
и постоянное отвораченіе отъ двусмы-
сленности и шутокъ, — слогъ будетъ
важный и величественный. Наконецъ если
такъ пишутъ, какъ мыслятъ, если сами
убѣждены въ томъ, въ чемъ хотятъ убѣ-
ждать, — сіе убѣжденіе, сія увѣренность
въ самомъ себѣ, отъ которой произте-
каетъ благоприличіе вразсужденіи дру-
гихъ и правильность слога, поможетъ
произвести свое дѣйствіе; если только

сіе внутреннее увѣреніе обнаруживается не иначе, какъ посредствомъ самаго сильнаго энтузіазма и во всемъ болѣе находится искренности, нежели самонадѣянія, болѣе разсудка, нежели жара.

Правила не могутъ замѣнить генія; если нѣтъ его, — онѣ останутся бесполезными. Хорошо писать значитъ хорошо мыслить и хорошо выражать, — имѣть въ то же время умъ, душу, вкусъ. Слогъ предполагаетъ соединеніе и упражненіе всѣхъ умственныхъ способностей; однѣ идеи составляютъ основаніе слога; гармонія словъ есть только принадлежность его и зависитъ единственно отъ чувствительности органовъ: довольно имѣть нѣсколько слуха, чтобы избѣгнуть разногласія, — и нѣсколько слуха, утонченнаго и усовершенствованнаго чтеніемъ Поэтовъ и Ораторовъ, что бы, хотя механически, приучиться подражать размѣру пѣмическому и ораиторскимъ оборотамъ. Но подражаніе никогда ничего не произвело творческаго; такимъ же образомъ и гармонія словъ не составляетъ ни основанія, ни тона въ слогѣ и часто

накопится въ сочиненіяхъ, въ которыхъ
во все нѣтъ мыслей.

Тонъ есть ни что иное, какъ сообразность слога съ сущностію предмета; онъ не долженъ быть принужденный; онъ натуральнымъ образомъ рождается изъ самаго основанія вещи и зависитъ большею частію отъ обширности, какую мысли наши имѣютъ. Если мы оною возвышаемся до идей самыхъ всеобщихъ и если предметъ самъ по себѣ величественъ, — и тонъ возвысится до такой же высоты; и если гений, поддерживая его на семь возвышеній, довольно обогащенъ, что бы каждому предмету сообщить сильный свѣтъ; если къ прелести опшѣненій — нѣжнаго смѣшенія цвѣтовъ — можемъ присоединить силу и мастерство отдѣлки; если, однимъ словомъ, можемъ представить каждую идею въ образѣ живомъ и хорошо опредѣленномъ, и изъ каждого ихъ послѣдствія составить картину гармоническую, прогающую; — тонъ будетъ не только что возвышенный, но и высокой.

Однѣ сочиненія, хорошо написанныя, дойдутъ до потомства; количество поз-

наній, особенность дѣяній и самая новость открытій не суть вѣрныя поруки за безсмертіе; если сочиненія, въ которыхъ онѣ находящіяся, касаются только предметовъ маловажныхъ, — если написаны безъ вкуса, благородства и генія, — онѣ пропадутъ; поелику познанія, дѣянія и открытія легко похищаются, перемѣняются и даже выигриваются, будучи обработаны руками болѣе искусными. Сіи вещи внѣ человѣка; слогъ есть — самой человѣкъ; и такъ онъ не можетъ быть ни похищенъ, ни измѣненъ; если онъ возвышенъ, благороденъ, высокъ, — автору budú удивляться равно во всѣ времена; поелику одна только истина долговременна и даже вѣчна, — а хорошій, приятный слогъ бываетъ дѣйствительно таковымъ только посредствомъ безчисленнаго множества истинъ, имъ представляемыхъ. Всѣ умственные красоты, въ немъ находящіяся, всѣ отношенія, его составляющія, суть также истины равно полезныя и, можетъ быть, еще драгоценнѣйшія для ума человѣческаго, нежели тѣ, кои могутъ служить основаніемъ предмету.

Высокое можетъ находиться только въ предмѣтахъ величественныхъ. Поэзія, Исторія и Философія имѣютъ одинъ и тотъ же предмѣтъ — и предметъ самой величественный: человѣка и природу. Философія описываетъ и изображаетъ природу, Поэзія живописуетъ и украшаетъ ее; она живѣйшими также красками изображаетъ людей, возвышаетъ, увеличиваетъ ихъ достоинство, творитъ героевъ и боговъ. Исторія описываетъ одного только человѣка — и описываетъ его такимъ, каковъ онъ есть; по сему и тонъ Историка тогда только дѣлается высокимъ, когда онъ изображаетъ величайшихъ мужей, когда излагаетъ знаменитѣйшія дѣянія, важнѣйшія произшествія и величайшія перевороты; во всемъ прочемъ довольно, если онъ будетъ величественъ и важенъ. Тонъ Философа всегда можетъ быть высокимъ, какъ скоро говоритъ онъ о законахъ природы, о существахъ вообще, о пространствахъ, матеріи, движеніи, времени, — о душѣ, умѣ человѣческомъ, о чувствованіяхъ и страстяхъ; во всемъ остальномъ довольно, если онъ будетъ благороденъ и возвышенъ. Но тонъ Ора-

пора и Поэта — поелику предметъ ихъ величественъ — всегда долженъ быть высокою; потому что ошъ ихъ произволенія зависипъ, къ величїю предмета своего присоединипъ столько цвѣтовъ, столько движенія, столько игривости воображеніяск, олько имъ угодно, — и что предъ каждыиъ изображеніемъ, предъ каждыиъ увеличеніемъ предметовъ, они должны употребипъ всю силу и раскрыть всю обширность своего генія.

Александръ Склабовскій.

О причинахъ упадка краснорѣчія.

(Изъ д' Агессо.)

Удѣлъ всего, что есть превосходнаго между людьми, — возрастать медлѣнно, съ трудомъ поддерживать себя въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ и потомъ спешительно упадать.

Мы родимся слабыми и смертными, и на все, что окружаетъ насъ, напечатлѣваемъ характеръ нашей слабости и образъ нашей смерти. Науки самыя возвышенныя — сїи немерцающія свѣтила, которыя озаряютъ умъ нашъ, вѣчныя по своему началу, поелику онѣ произтекаютъ отъ самаго Божества, — кажется, дѣлаются плѣнными, преходящими, заразившись нашею бренностію; будучи не измѣнны сами въ себѣ, онѣ измѣняются въ отношеніи къ намъ: какъ мы, кажется, онѣ рождаются; какъ мы — умираютъ. Невѣжество предшествуетъ просвѣщенію, грубость хорошему вкусу, варварство людскости. Науки и изящныя искусства превращаются въ ничтожество; для извлеченія ихъ изъ онаго много употреб-

лено времени и усилій; — и одна только не утомимая и щастливая дѣятельность, въ видѣ вѣчного созданія, даетъ имъ новое бытіе и новую жизнь.

Сей стремительный пошокъ краснорѣчія, сіи обильные источники учености, наводнявшіе иѣкогда Грецію и Италію, наши предки видѣли возраждающимися; вѣкъ нашихъ прадѣдовъ былъ изумленъ ихъ сіяніемъ; нашъ начинаетъ видѣть ихъ уменьшеніе и, кто знаетъ, узрять ли наши потомки и самые слабые остатки оныхъ!

Мы зрѣли смерть великихъ мужей, но не зримъ ихъ возрожденія изъ праха. Смертная слабость заступила мѣсто сего пылкаго рвенія, показавшаго намъ столько чудесъ въ наукахъ и столько образцовыхъ произведеній въ искусствахъ; лѣнивая праздность нечувствительно разрушаетъ зданіе, которое неутомимый трудъ едва могъ воздвигнуть. Какъ бы счастливы были мы, если бы только оплакали потерю другихъ пріобрѣтеній, а Словесность, Краснорѣчіе и ученость укрылись бы въ нашемъ Обществѣ, какъ въ ихъ истинномъ храмѣ, что бы въ немъ

получить нѣкогда справедливую дань хвалы и удивленія смертныхъ!

Краснорѣчіе не есть единственно произведеніе ума; но оно есть произведеніе сердца. Въ немъ — то образуется сія не поколебимая любовь къ истиннѣ, сія пламенная ревность къ справедливости, сія на добродѣтели основанная независимость, къ которой вы столь ревнительны, сіи высокія, благородныя чувствованія, которыя возвышаютъ душу, исполняютъ ее благородной гордости и великодушной довѣренности, распространяютъ вашу славу болѣе, нежели самое Краснорѣчіе и несравненно болѣе, заставляють удивляться въ васъ честному человеку, нежели Орактору.

Не думайте однакожь, что бы для насъ довольно было имѣть въ соединеніи благородство и чистоту побудительныхъ причинъ съ великостію природныхъ дарованій, и знаете, что самая глубокая и, можешь быть, самая неизцѣльная рана въ нашемъ Обществѣ есть-слѣпая отважность, съ коею дерзають вступить въ него прежде, нежели чрезъ продолжитель-

ное и многотрудное приуготовленіе себя сдѣлаются онаго достойными.

Какое сокровище познаній, какое многообразіе учености, какую проникательную разборчивость, какую утонченность вкуса должно соединить вмѣстѣ, что бы сдѣлаться превосходнымъ Ораторомъ! Кто осмѣлится опредѣлить границы знаніямъ Оратора, шотъ ни когда не имѣлъ правильного, совершеннаго понятія о неизмѣримомъ пространствѣ его званія.

Пусть другіе научаютъ человѣка по частямъ; Ораторъ несовершенъ, если продолжительнымъ ученіемъ чистѣйшей нравственности неубѣдишь, не расстрогаешь, не проникнешъ душу, не овладѣешь совершенно всѣмъ человѣкомъ.

Пусть правовѣденіе Римское будетъ для него второю Философіею; пусть со всѣмъ жаромъ пускается онъ въ безпредѣльное море правилъ (Canons); пусть имѣешь всегда предъ очами важность Королевскихъ указовъ и мудрость Сенатскихъ опредѣленій; пусть, такъ сказать, пожираешь обыкновенія (coutumes), открываешь въ нихъ духъ народа, извлекаешь изъ нихъ начала, что бы каждый гражда-

нынѣ изъ сего великаго множества не большихъ областей, — которое въ одномъ цѣломъ составляетъ различіе законовъ и нравовъ, — совѣтуясь съ нимъ, могъ думать, что онъ рожденъ въ его отечествѣ и изучался единственно обычаямъ земли его.

Пусть Исторія даетъ ему опытность и, ежели можно такъ выразиться, преждевременную старость; и когда уже изъ своихъ многоразличныхъ матеріаловъ воздвигаетъ онъ сіе твердое зданіе, — пусть тогда присоединитъ къ нему всѣ украшенія рѣчи и все великолѣпнѣе искусства, его званію свойственнаго. Пусть древніе Ораторы перельютъ въ него все свое искусство, обиліе, выпренность, — Историки сообщатъ ему свою простоту, порядокъ, разнообразіе, — Поэты вдохнутъ въ него благородство изобрѣшенія, живость представленія и смѣлость выраженія и въ сіе сокровенное число, — сію таинственную гармонію слова, которая, не имѣя рабства и единообразія Поэзіи, нерѣдко сохраняетъ всю сладость, всѣ прелести оной. Пусть соединяетъ онъ учтивость Французскую съ ашпическою

солью Грековъ и вѣжливостію Римлянъ; пусть въ немъ — какъ будто бы онъ представлялъ собою лице древнихъ Орапоровъ — скорѣе усматриваютъ ихъ геній, ихъ характеръ, нежели ихъ выраженія; пусть подражаніе обратится для него въ другую природу; пусть говоритъ онъ какъ Цицеронъ, подражавшій Демосфену, или какъ Виргилій, чрезъ благородное, но трудное похищеніе, несмыдлившійся обогащаться достояніемъ Гомера.

Здѣсь воображеніе съ удовольствіемъ представляетъ всѣ наши желанія исполненными и терлется въ прелестномъ, востышительномъ сновидѣніи, издали ему показывающемъ образъ совершенства, къ коему мы стремимся. Откроемъ наконецъ глаза и допустимъ исчезнуть плѣнительной мечтѣ, нашимъ пламеннымъ желаніемъ рожденной; — что найдемъ мы на ея мѣстѣ? . . . Какое печальное зрѣлище представляетъ намъ истина! . . .

Науки въ пренебреженіи, лѣбность торжествуетъ надъ прилѣжаніемъ, шрудъ почитается удѣломъ шѣхъ, кой неимѣють ума и презирается всѣми, кто - только признаетъ себя умнымъ; невѣжество

ругается надъ ученіемъ; робкое и препещущее знаніе обязано заимствовать тайное искусство скрывать себя. Тѣ, кои повысили славу мѣста сего, хотѣли быть всезнающими; мы поставляемъ за славу ничего незнать. Любовь ихъ къ обширнымъ свѣденіямъ нерѣдко пресступала границы. Стыдясь мыслить и говорить о себѣ самыхъ, они думали, что древніе подобно имъ мыслили и говорили; они болѣе старались переводить ихъ, нежели имъ подражать, и неполагаясь на силу собственнаго генія, они совершенное имѣли довѣріе къ ихъ глубокой учености. Благодаря возвращенію хорошаго вкуса, коего видѣли мы нѣсколько блестящихъ лучей, они чувствовали порокъ и рабство сей впрочемъ не неблаго-разумной привычки. Но страхъ подобнаго излишества вовлекъ насъ въ противоположную крайность: мы презираемъ полезное — пособіе необходимое для ученія и знанія; мы хотимъ быть одолжены всѣмъ нашему уму и ничѣмъ—труду. Но что есть умъ сей, которымъ мы безразсудно обольщаемъ себя и которой служимъ красивою одеждой нашей лѣнности?

Это огонь, которой блеститъ, не-
сожигая; это свѣтъ, которой сіяетъ
нѣсколько минутъ и, по недостатку пи-
танія, самъ собою угасаетъ; это прия-
тная поверхность безъ глубины и плот-
ности; это воображеніе пылкое, живое,
врагъ правильности въ сужденіи, — бы-
строе, легкое понятіе, которое спыди-
тся внимать спасительному совѣту раз-
судка; это способность говорить, которая
съ жадностію ловитъ первыя мысли и
непозволяетъ заняться послѣдующими,
дабы привести ихъ въ совершенство и
зрѣлость.

Подобно деревьямъ, коихъ безплодная
красота истребила въ садахъ полезное
украшеніе деревъ плодовыхъ, сія при-
ятная нѣжность, сія счастливая лег-
кость генія живаго, натуральнаго, — ко-
торой сдѣлался единственнымъ украше-
ніемъ нашего вѣка, — изгнала изъ онаго силу и
крѣпость генія глубокомысленнаго и шру-
долобиваго: и здравой умъ никогда не
имѣлъ споль опаснѣйшаго и непримири-
мѣйшаго врага, какъ сей, коего члптъ въ
міръ подъ обманчивымъ названіемъ остро-
умія (*bel esprit.*)

Сему-то льстивому кумиру посвящаемъ мы съ гордымъ невѣжествомъ воѣ дни—по должности публичной.—Мы думаемъ, что оскорбили бы плодovitаго своего генія, если бы до того унизились, что захотѣли бы собирать для него жатву съ поля чужестраннаго. Мы нерадимъ о усовершенствованіи нашего собственнаго блага,—и земля плодороднѣйшая отъ небреженія земледѣльца, положившагося на ея натуральную плодovitость, произраждаетъ одно терніе.

Какъ сіе поведеніе далеко отъ поступковъ великихъ мужей, коихъ славное имя сдѣлалось именемъ самаго краснорѣчія!..

Они знали, что и превосходный умъ имѣетъ нужду въ образованіи чрезъ усильный трудъ и непрерывное упражненіе,—что и великія дарованія легко превращаются въ великіе недостатки, когда онѣ оставлены и преданы самимъ себѣ, и что все то, что только Небо творитъ превосходнѣйшаго, скоро перерождается, если воспитаніе — вторая мать — несохранишь произведенія, вѣримаго ему природою въ минушу сотворенія.

Не считатьъ занычто упражненій дѣш-
ства и начинатьъ важное и истинное уче-
нiе въ то время, когда мы ихъ оканчи-
ваемъ; взиратьъ на юность не какъ на воз-
растъ, предоставленный природою удо-
вольствiю, нѣгѣ и праздности, но какъ на
время, шуду и прилѣжанiю добродѣте-
лiю посвященное; оставитьъ всѣ заботы о
богатствѣ, щастiи, о самомъ даже здравiи
и все то, чѣмъ люди наиболѣе всего до-
рожаютъ, принести — какъ достойную жер-
пцу — пламенной любви къ наукамъ и
ревности къ упражненiю; сокрыться на
нѣкоторое время отъ свѣта, — заключить
самого себя произвольно и заживо погреб-
шись въ глубокомъ уединенiи, что бы
тамъ заблаговременно приготовить для
себя орудiе, всегда побѣдоносное: такъ
поступали Демосѣены и Цицероны! Не
будемъ же удивляться тому, чѣмъ они
были; но въ то же время престанемъ у-
дивляться и тому, чѣмъ мы теперь,
взирая на сiю малость, какую сдѣ-
лали мы для доспигенiя приобретен-
ной ими славы.

Ал. Склабовскiй.

*Писатель — Литтераторъ
въ сравненіи съ другими писателями.*

(Съ Польскаго.)

Въ эпоху высокаго усовершенствованія всѣхъ познаній — всякая наука, всякое искусство имѣетъ своихъ писателей; каждый человѣкъ, съ чувствомъ и здравымъ смысломъ, можетъ съ пользою излагать любимый имъ предметъ. При сихъ стремленіяхъ происходитъ особенный родъ людей, посвящающихъ себя исключительно соединенію мыслей, сужденій и понятій и сообщенію онымъ всего того, чѣмъ только искусство произведеніямъ гениевъ можетъ придать болѣе красоты. Такихъ людей мы называемъ *Писателями-Литтераторами*. Но въ чемъ же состоитъ преимущественный ихъ признакъ? Какія произведенія трудовъ ихъ?

Ученый, художникъ, испытатель природы или древностей посвящаютъ себя такимъ наукамъ, коихъ большая часть людей не можетъ или не хочетъ постигать: знатоковъ, критиковъ, порицате-

лей и панегиристовъ находятъ они между тѣми только, кои стремятся на одномъ съ ними поприщѣ. Но *Литтераторъ* говоритъ для понятія и чувствъ каждого, — кто только можешь мыслить о природѣ, о людяхъ, о самомъ себѣ. Онъ не посвящаетъ себя исключительно какой нибудь наукѣ, не имѣетъ особеннаго языка. Въ одно и то же время онъ говоритъ съ ученымъ и обыкновеннымъ человекомъ.

Кромѣ сихъ обширныхъ предѣловъ, *Литтераторъ* еще далѣе простираетъ свою дѣятельность. Каждая наука имѣетъ нѣкоторыя понятія, чрезъ кои она бываетъ соприкосновенна общимъ познаніямъ, дѣлающимъ ее понятною для простаго ума. Тутъ *Писатель-Литтераторъ* находитъ обширное поле для своего таланта; онъ взимаетъ сіи понятія и облачаетъ ихъ приличными украшеніями. Ученый и Артистъ уступаютъ ему въ семъ отношеніи; — развѣ они сами, обладая перомъ Литтератора, сообщаютъ своимъ произведеніямъ прелести слога.

Люди всѣхъ состояній могутъ передавать потомственнымъ вѣкамъ то, что

они производили, видѣли или слышали; и потому имѣющъ право раздѣлять съ *Литтературами* ихъ пользы и славу.

Писатель особенной какой нибудь науки, посвятивши ей все способности ума своего и всю свою жизнь, долженъ находить новые виды, новыя мысли и открытія; но *Писатель-Литтераторъ* не имѣетъ цѣлю сей славы. Труды его въ наукахъ суть нѣчто заимствованное отъ другихъ, а не собственный шалаешъ; но въ той часши, которую особенно избираешь, онъ имѣетъ болѣе простоты — ибо старается болѣе приспособляться ко всеобщимъ понятіямъ; болѣе истинны — ибо удаляется отъ духа системъ, который затрудняетъ науки и часто запусываетъ самыхъ ученыхъ; онъ сильнѣе занимается — ибо касается того, что говоритъ сердцу или возбуждаетъ воображеніе; онъ умѣетъ, наконецъ, дѣлать себя полезнымъ предъ другими — ибо, сообщивъ наукѣ болѣе приятности, чрезъ сіе самое разпространяетъ въ народѣ вкусъ къ оной. Такъ нашъ *Красицкій*, изображая легкимъ перомъ погрѣшности дѣеписате-

лей (*) и хитрые извороты нашихъ древнихъ законоискусниковъ (**), многихъ познакомили съ исторіею и правами лучше, нежели какія нибудь наитченнѣйшія и глубочайшія разсужденія.

Тѣ, кои съ такимъ сильнымъ чувствомъ пишутъ о самихъ себѣ, обязаны обладающей ими страсти, вдохновенію, ихъ увлекающему и особенному положенію, въ которомъ ихъ возбужденный геній обнимаетъ самого себя всѣми опличными карпинами, всѣмъ жаромъ и силою, съ ними вмѣстѣ возникающими и съ ними проходящими. Такъ *Сафо* поетъ свою страсть, а *Элоиза* свои спраданія; такъ *Севинье* въ письмахъ къ дочери и друзьямъ своимъ изливаетъ свою душу изображая время, въ коемъ она жила. *Виргилій* такъ же начерталъ образъ оставленной *Дидоны*; *Поле* пришилъ себѣ понятія самой *Элоизы*; *Волтеръ* въ прекрасныхъ письмахъ, даже не думая о томъ, оставилъ намъ картину своей жизни и картину ученаго вѣка, въ которомъ ни одна отрасль познаній не была имъ забыта. :

(*) Въ своемъ сочиненіи подъ названіемъ: *Historya*.

(**) Въ своемъ Романѣ: *Dos'wiadczyn'sky*. Л,

Въ сихъ трехъ примѣрахъ представ-
лены творенія, не принадлежащія по
двумъ отношеніямъ къ одному роду и
ни имѣющія между собою ничего общаго.
Кромѣ разности характеровъ, обстоя-
тельствъ, талантовъ—усматриваемъ еще
то, что конечно должно ихъ различать:
въ однихъ совершенный гений вдохновенія,
въ другихъ совершенное искусство въ
гений; ибо образованный писатель есть
совершенно особенное существо. Онъ не
предается одной страсти и не посвяща-
етъ себя одной наукѣ, одному роду; онъ
объемлетъ все науки. Различными спосо-
бами онъ поражаетъ попеременно чув-
ства и разумъ. Элоиза, сколько она ни
образована, кромѣ своей страсти не мог-
лабы изобразить другой. Севинье, одарен-
ная несравненнымъ умомъ, счастливымъ
выраженіемъ всехъ ошѣнокъ мыслей —
кои одна за другими стремились въ ея
сердцѣ, — хотѣла однажды, какъ сама го-
ворить, написать собраніе нравственныхъ
мыслей (*maximes*) подобно Рошефуко: и
написала нѣсколько словъ безъ смысла,
связи и чувства! На противъ того Вир-
гилій столь же удивителенъ въ изобра-

женія нѣжнѣйшихъ движеній сердца, какъ и въ изображеніи упорныхъ битвъ. Понепрѣмъ же перомъ писалъ къ Арбунтону, которымъ начерпалъ приключенія Элоизы. Волаеръ писалъ во всѣхъ родахъ—и въ самыхъ различнѣйшихъ одинаково достойнъ удивленія. Въ семь-то смыслѣ Цицеронъ говоритъ о своемъ Орадорѣ: что хотя бы онъ не совершенно зналъ какой нибудь предметъ; но онъ разсуждалъ бы о немъ лучше, нежели тѣ, кои посвятили ему несусыпныя занятія всей своей жизни.

Литтераторъ есть ученикъ природы. Все, что только онъ находитъ въ ней великаго или прекраснаго, все то впечатлѣвается и живо творится въ его сердцѣ. Кажется онъ живетъ для того только, чтобы получать и сообщать взаимно тѣ прекрасныя движенія, для коихъ природа есть начало, середина и конецъ.

Онъ есть такъ же и ученикъ искусства. Все, что онъ знаетъ, чему онъ учится, дѣлается для него неизчерпаемымъ источникомъ сравненій, правилъ и мыслей; можно бы подумать, что душа его двойственна: она чувствуетъ и разбираетъ въ одно и то же время. *Литтераторъ*

научаетъ самъ себя; онъ можетъ самъ себя распрогивать, повелѣвать своими мыслями, останавливать ихъ, или представлять первому стремленію; беретъ изъ чел. вѣческой природы все, чѣмъ только писатель воспользоваться можетъ: и такимъ образомъ извлекаетъ для себя выгоду изъ каждаго вѣка, изъ каждаго случая, изъ добродѣтелей и слабостей, изъ удовольствій и неприятностей. Во всякомъ случаѣ онъ является совсѣмъ особеннымъ человекомъ. Какъ общественный человекъ — почерпаетъ онъ въ обыкновенномъ родѣ тѣ чувства добродѣтельнаго сердца, тѣ мысли здраваго разсудка, тѣ нравы, дышу щіе самою истиною, тѣ простыя и невинныя прелести, служащія украшеніемъ для самаго изящества. Какъ обитатель умственного міра — онъ возвышаетъ и украшаетъ все въ своемъ воображеніи. Какъ Философъ — онъ открываетъ и ищивы шамъ, гдѣ едва примѣтно самое дѣйствіе, и не извѣстными для другихъ отношеніями связываетъ самыя отдаленныя вещи. Какъ Ораторъ — онъ увлекаетъ слушателей своимъ разсужденіемъ; убѣжденіе льется изъ его устъ. Какъ Поетъ —

онъ дѣлаетъ мысли впечатлѣнїями, картины самою гармонїею; онъ не изобрѣтаетъ, но дѣйствуетъ по одному только вдохновенїю; не рассказываетъ только, но рисуетъ; не говоритъ, но поетъ.

Три главныя черты, какъ мнѣ кажется, оплечаютъ *Писателя-Литтератора*. Во первыхъ порядокъ мыслей, произшедшихъ изъ удачнаго разбора самаго дѣла и соединенныхъ прекраснѣйшею нитью, а чрезъ это способныхъ къ почтнѣйшему изложенїю и тѣснѣйшему сближенїю съ естественностїю, которая есть совершенство искусства. Во вторыхъ искусство соединять и раздѣлять части одного предмета, усиливать ихъ и пояснять разположенїемъ, направленнымъ къ одной цѣли; искусство разположенїя, въ которомъ все касается вѣчной Премудрости и высочайшихъ прорицалищъ, дающихъ отвѣты тѣмъ только, кои тщательнымъ упражненїемъ дѣлаются достойными вопрошать ихъ. Наконецъ даръ выражать мысли съ большею силою, совершенствомъ и приличїемъ, — тотъ великій даръ слова, который служитъ дополненїемъ усилїй разума и очаровательнѣйшею его прелестїю.

Другіе писатели, — увлеченные стра-
стию, или въ одномъ какомъ нибудь родѣ
получившіе навѣкъ чрезъ щастливое по-
стиженіе предмѣта, или обстоятельствъ
его, — лучше изображаютъ прекрасную кар-
тину; но никто лучше *Писателя-Литте-
ратора* не изложитъ и не довершитъ цѣ-
лаго творенія. *Писатель-Литтераторъ*
имѣетъ болѣе естественности, нежели
тотъ, кто пишетъ по одному вдохнове-
нію природы; болѣе оригинальности, не-
жели тотъ, кто только въ самомъ себѣ
все очерчиваетъ. Правда, что въ писателѣ
природа безъ искусства бываетъ живѣе;
но за то она многообразнѣе у *Литтера-
тора*, который обогатилъ себя болѣе
обработанными мыслями. Мы видимъ въ
Оссіанѣ поэта сѣвернаго, въ Гомерѣ юж-
наго. Ихъ отличительная черта — есть
различіе состояній общества; среди ко-
торога каждый изъ нихъ пѣлъ. Гений пер-
наго — снѣсенный суровостію безплоднаго
климата, ограниченный однообразіемъ о-
быкновеній и понятій непросвѣщеннаго
народа — могъ излишь высокостъ свою
только въ небольшомъ числѣ видовъ, кои
повторяются ежеминутно. Другой на-

шелъ обширное поле, на которомъ могъ ообирать всѣ сокровища Поэзіи.

Писатель, который не могъ пользоваться дѣяніями просвѣщеннаго вѣка и образовать своего вкуса, конечно предается сильнѣйшему стремленію; все въ немъ показываетъ дикую суровость, чудовищную великость, дивную и поражающую игру природы: кажется, что мы переходимъ чрезъ тѣ огромныя Альпы, гдѣ среди такого множества изумляющихъ предметовъ находится столько восхищающихъ, гдѣ прелести зашѣняются отъ излишняго ихъ множества; красоны не имѣютъ ни того порядка, который бы увеличивалъ ихъ дѣйствіе, ни разположенія, которое бы облегчало представление оныхъ. Тутъ ничто не отличаетъ поражающаго отъ возвышающаго. Отважный геній, одному только вдохновенію подвластный, пренебрегаетъ, кажется, правило совершеннаго творенія. Таковъ дикій и высокій Шекспиръ.

Но писатель, — который умѣетъ соединять вкусъ съ геніемъ, который послушенъ вдохновенію и природѣ предметовъ, — взаимно дѣйствуетъ на насъ чрезъ

чувства и виды, коими обязанъ онъ упражненію и разбору.

Мы любимъ и даже намъ нужно слушать сихъ высокихъ и суровыхъ геніевъ; заимствовать ихъ мысли шѣмъ сильнѣйшимъ, что онѣ не подлежатъ никакому правилу. Но мы чаще хотимъ напаять душу приятностію, которая ее усовершенствуетъ. Тогда мы отвергаемъ сіи дикія красоты, за каждое удовольствіе коихъ должно заплатить неудовольствіемъ. — гдѣ удивленіе и оужденіе, вдругъ возбужденныя, смѣшивающіяся и взаимно себя уничтожаютъ. Мы ихъ не порицаемъ; но внутреннее и справедливое чувство велитъ намъ возвратиться къ Виргилію и Расину.

Писатель, здѣлавшій великія открытія въ наукахъ и искусствахъ, приобретаетъ великую славу за превосходныя творенія, коими свѣтъ ему обязанъ. Какому жъ имени можно назначить вышнее мѣсто надъ Невтономъ, Коперникомъ? Но слава сія не освѣняетъ собой книгу, содержащую эти открытія, когда оной книгѣ не сообщено достоинство превосходнаго слога. Иначе книга сія перестанетъ быть даже читаемою, еслии може оп-

крытіе кѣмъ нибудь лучше будетъ изложено.

Напротивъ того хорошее пвореніе, — богатое превосходными мыслями, чувствами, видами и душевными движеніями, — переживетъ самый свой предмѣтъ. Нѣтъ ничего несноснѣе Богословскихъ споровъ; а *Монахомахія* (*) будетъ составлять удовольствіе и наипозднѣйшихъ вѣковъ.

Безъ сомнѣнія многія достоинства могутъ и должны стоять на ряду съ достоинствами *Литтератора*. Но если мы примемъ во вниманіе то: что изъ всѣхъ даровъ, могущихъ украшать душу человѣческую, талантъ Философа — Поэта — Оратора рѣже всего бываетъ ея удѣломъ; что нигдѣ такъ не трудно усовершенствованіе, какъ здѣсь; что такой писатель долженъ возбуждать вмѣстѣ чувства *изящнаго и добраго*; что, посвятивши себя истинѣ, онъ творитъ для насъ *наичистѣйшія* удовольствія; что изъ всѣхъ народныхъ похвалъ — его слава разпространяется повсюду съ особеннымъ ру-

(*) *Монахомахія*, героикомическая поэма Красиваго. Л.

жоплесканіємъ; что чѣмъ онъ бываетъ въ
своемъ вѣкѣ, тѣмъ не престаешь быть и
въ позднѣйшія времена: — когда все это
возьмемъ во вниманіе и признаемъ опли-
чительною черпою заслугъ *Литтера-
тора*; то легко объяснить себѣ можемъ
удивленіе, которое онъ получаетъ всегда —
какъ должную себѣ дань.

Н. Левицкій.

В з г л я д ъ
на первую Эклогу Виргилія:
Титиръ и Мелибей.

(Изъ Сень-Пьера.)

Въ этой Эклогѣ Виргилійъ вводитъ несчастнаго Мелибея, лишеннаго междусобными войнами своего наслѣдства и принужденнаго оставить свое отечество, — подлѣ Титира, единственно заботящагося о томъ, какъ бы достойно пѣть прекрасную Амариллу и заставляющаго лѣсное эхо повторять ея имя:

Titurce, tu patulae recubans sub tegmine fagi,

.

Formosam resonare doces Amarillida sylvas.

Я не буду говорить о нравственномъ различіи сихъ пастуховъ, которое дѣлаетъ разговоръ ихъ столь занимательнымъ, особенно когда вспомнишь, что Виргилійъ подлѣ имени Тити а изобразилъ собственное свое состояніе, или лучше, состояніе своего отца. Я останавливаюсь на описательныхъ чертахъ его ландшафта. Представивъ впереди своей картины вѣтхисшій букъ близъ рощи, въ окрестно-

стяхъ онъ изображаетъ скалы, луга, воды и воздухъ; прибавляетъ мысль о божествѣ и множество нѣжныхъ и приятныхъ чувствованій, которыя пробуждаются въ немъ отъ разныхъ сельскихъ видовъ и отъ природы животной и человѣческой. Что бы сдѣлать свое описаніе прогательнѣе, онъ влагааетъ оное въ уста несчастнаго Мелибея, лишеннаго собственности, который говоритъ счастливому Тиширу:

Fortunate Senex! ergo tua rura manebunt;
Et tibi magna satis, quamvis lapis omnia nudus
Limoso que palus obducat pascua juncos,
Non insueta graues tentabunt pabula foetas,
Nec mala vicini pecoris contagia laedent.
Fortunate Senex! hic, inter flumina nota
Et fontes sacros, frigus captabis opacum.
Hinc tibi, quae semper vicino ab limite sepes
Hyblaeis apibus florem depasta salicti,
Saepe laevi somnum suadebit inire susurro;
Hinc alta sub rupe canet frondator ad auras.
Nec tamen interea raucae, tua cura, palumbes,
Nec gemere aëria cessabit turtur ab ulmo.

„Счастливый старикъ! твои поля останутся при тебѣ; для тебя они довольно обширны, хотя бесплодный камень и болото иловатымъ простникомъ

„окружаютъ твои луга. По крайней мѣрѣ
 „чужія пастбища не привлекутъ къ себѣ
 „твоихъ овецъ, и онѣ не заразятся отъ
 „сосѣдственнаго спада. Счастливымъ ста-
 „рикомъ! здѣсь, — на берегу сей рѣки, тебѣ
 „знакомомъ, среди сихъ священныхъ источ-
 „никовъ—ты будешь наслаждаться прох-
 „лагою. Тамъ пчелы, собирающіе соты съ
 „цвѣтовъ ивовой ограды, окружающей
 „твое наслѣдство, тихимъ своимъ жужжа-
 „ніемъ будутъ тебя призывать ко сну. А
 „тамъ, подъ высокою скалою, будешь вни-
 „мать громкимъ пѣснямъ дровосѣка. Ме-
 „жду тѣмъ дикіе голуби, которыхъ ты
 „столько любишь, не перескочатъ ворко-
 „вать и стелющія горлицы вздыхать на
 „вершинѣ высокаго вяза.“

Титиръ, приписывая Августу сохра-
 неніе своего имѣнія, прибавляетъ къ се-
 му ландшафту атмосферныя и воздушныя
 перспективы:

Ante leves ergo pascentur in aethere cervi,
 Et freta destituent nudos in littore pisces;
 Ante, pererratis amborum finibus, exul
 Aut Ararim Parthus bibet, aut Germania Tigrim,
 Quam nostro illius labatur pectore vultus.

„И такъ прежде легкія серны ста-
нутъ пастися на воздухѣ, моря оста-
вятъ на сушѣ своихъ рыбъ; перемѣня
страны, Парянинъ будетъ пить Араксъ,
или Германецъ Тигръ прежде, неже-
ли его изображеніе изгладится въ моемъ
сердцѣ.“

Виргилій, противуположивъ натураль-
ному ландшафту, столь хорошо изобра-
женному Мелибеемъ, контрастъ ландшаф-
та противъ натуры Тишира, представ-
ляетъ новые и равно странные, но ис-
тинные ландшафты того, что Мелибею
представляетъ будущность. Онъ застав-
ляетъ говорить несчастнаго пастуха:

At nos hinc alii sitientes ibimus Afros:

Pars Scythiam et rapidum Cretae veniemus

Oaxem,

Et penitus toto divisos orbe Britannos.

En unquam patrios longo post tempore fines,

Pauperis et tuguri congestum cespite culmen,

Post aliquot, mea regna videns, mirabor aristas?

Impius haec tam culta novalia miles habebit?

Barbarus has segetes? En quo discordia cives

Perduxit miseros! en queis consecimus agros!

„Что касается до насъ несчастныхъ
матнаениковъ, иные пойдутъ искать убѣ-

„жища въ знойной Африкѣ; другіе въ хо-
 „лодной Скиѣи, или на берегахъ быстра-
 „го Оакса, или между Британцами, оп-
 „дѣленными ошъ прочаго свѣта. Увы, по-
 „слѣ многихъ лѣтъ я не увижу опять
 „земли моего отечества, моей бѣдной хи-
 „жины, покрытой дерномъ! Не буду болѣе
 „удивляться прекраснымъ жатвамъ, вѣн-
 „чавшимъ всѣ мои желанія. Не благодар-
 „ный воинъ будетъ владѣть сими, съ по-
 „ликимъ попеченіемъ обработанными, по-
 „лями. Варваръ пожнетъ сіи нивы. Вошъ
 „до чего довели раздоры несчастныхъ гра-
 „жданъ! вошъ для кого застѣяли мы свои
 „поля!“

Мелибей сею противоположностію
 возвышаетъ занимательную картину сво-
 его отечества, а сожалѣніе о прошедшемъ
 его счастіи производитъ новыя картины.
 Типиръ, дабы утѣшить Мелибея, убѣж-
 даетъ его провести ночь въ своемъ домѣ
 и раздѣлилъ съ нимъ его сельской ужинъ:

Hic tamen hanc mecum poteris requiescere
noctem

Fronde super viridi: sunt nobis mitia poma,
Castaneae molles, et pressi copia lactis.

Et jam summa procul villarum culmina fumant,
Majoresque cadunt altis de montibus umbrae.

„Между тѣмъ эту ночь ты можешь
„провести со мною; здѣсь, въ сей зеленой
„бесѣдкѣ, у меня есть яблоки, нѣж-
„ные каштаны и свѣжій сыръ. Уже ды-
„мятся кровли дальныхъ деревень и опъ
„высокихъ горъ ложатся длинныя тѣни.“

Здѣсь поэтъ наводитъ свѣтъ на свою картину. Онъ освѣщаетъ ее послѣдними лучами заходящаго солнца; или лучше, такъ какъ весь предметъ меланхолическій, онъ сгущеніемъ дыма изображаетъ мракъ и приближеніе холодной ночи. Онъ не только означаетъ часъ дня, но и мѣсяцъ — почти нашъ Октябрь, — то самое время, въ которое въ Италіи собираютъ яблоки и каштаны и заготавливаютъ для зимы сыръ. Опредѣляетъ и мѣстоположеніе, которое находилось въ соседствѣ Аппенинскихъ горъ. Это изображаетъ послѣдній стихъ:

Majoresque cadunt altis de montibus umbrae.

Когда ландшафтъ изображаетъ только первоначальныя силы, онъ имѣетъ всегда характеръ глубокаго уединенія и опътѣнокъ меланхоліи, какъ бы впрочемъ онъ ни былъ приагненъ. Это можемъ видѣть въ тѣхъ стихахъ, гдѣ Virgilій изъяс-

сняетъ отношенія нѣкоторыхъ деревъ къ различнымъ мѣстоположеніямъ. Таковы два стиха седьмой еклоги:

*Fraxinus in sylvis pulcherrima, pinus in hortis,
Populus in fluviiis, abies in montibus altis.*

„Ясенъ прекрасенъ въ лѣсахъ, сосна въ садахъ, тополь надъ рѣками, ель на вершинахъ высокихъ горъ.“

Здѣсь одни физическіе контрасты; но поэтъ, дабы болѣе распространить свой горизонтъ, употребляетъ новые, полагая каждое растѣніе въ единственномъ, а мѣстоположенія ихъ во множественномъ числѣ. Если бы онъ положилъ растѣнія во множественномъ, а мѣстоположенія въ единственномъ; то сіи не имѣли бы того пространства. Онъ бы слишкомъ ограничилъ сіи различныя сцены, если бы сказалъ: „Ясени прекрасны въ лѣсу, сосны въ саду, тополи надъ рѣкою, ели на вершинѣ высокой горы.“

Онъ изображаетъ еще пространнѣе, когда полагаетъ вдругъ древа и мѣстоположенія ихъ во множественномъ числѣ, какъ въ слѣдующихъ стихахъ Георгикъ: Кн. II. ст. 110.

Fluminibus salices crassisque paludibus alni
Nascuntur; steriles saxosis montibus orni;
Littora myrtetis laetissima; denique apertos
Bacchus amat colles, aquilonem et frigora taxi.

„Ивы расшутъ на берегу рѣкъ, ольхи
„на иловатыхъ болотахъ, бесплодные
„вязы на каменистыхъ горахъ, миршѣ на
„улыбающихся берегахъ. Наконецъ вино-
„градныя лозы любятъ открытые холмы,
„а тисы сѣверные вѣтры и льды.“

Мы шотчасъ примѣчаемъ, что Virgil-
лѣй противуполагаетъ древа деревьямъ и
мѣстоположенію мѣстоположеніямъ, дабы
противуположностію ихъ болѣе продол-
жить дѣйствіе. Такъ въ первомъ примѣрѣ
онъ противуполагаетъ ясень соснѣ, по-
поль ели, лѣса садамъ, рѣки горамъ. Во
второмъ ивы легкой тѣни, ольхи густымъ
листьямъ, вязъ и миршѣ и виноградна
лозы тисамъ. Относительно мѣстополо-
женій, онъ противуполагаетъ рѣки боло-
тамъ, кремнистыя горы песчанымъ бере-
гамъ, открытые холмы шероховатымъ
мѣстамъ, поражаемымъ сѣверными вѣт-
рами. Но онъ, дабы распространить пер-
спективы, соглашаетъ древа съ ихъ ланд-
шафтами. Прелести и пространство раж-

даютъ согласія, такъ какъ характеры
происходятъ изъ контрастовъ. Въ самомъ
дѣлѣ, какое - то сходство имѣетъ
ясень съ лѣсами своею голубоватою зе-
ленью, теряющеюся въ облакахъ, тополь
своими шепчущими листьями съ теченіемъ
ручейковъ, пирамидальная ель съ высоки-
ми заостренными горами. Аканты своею
голубоватою зеленью сходятся съ
лазурною поверхностію водъ, бесплодные
вязы со скалами, миршы—Венерины деревца
съ берегами моря, которые видѣли ея ро-
жденіе, виноградныя лозы, вьющіяся на-
подобіе аркадъ, съ наклономъ холмовъ и
жолоче шисы съ хладными инеями.

Иванъ Гонорскій.
